
СЕРДЦЕ БЕЗДНЫ
18+

Янь Шао Лонг

Сердце Бездны

«Автор»
2026

Шао Лонг Я.

Сердце Бездны / Я. Шао Лонг — «Автор», 2026

Стрелки древних часов сошлись на холодном камне, пробив в глубокой тьме финальный удар. И в тот момент, когда ангел с ржавыми крыльями пробил пустоту времён своим голосом, из тьмы и разорванной плоти пришло нечто иное.Растлос — город что сравнялся с величием Лондона, далёкая крепость человечества, лежащая прямо под телом огромного Змея, что опоясал планету мёртвым уроборосом. Этот город стал символом надежды, прогресса, тем более после Великой войны, что эхом доходила до него с берегов далёкой Европы.Однако, эта история не о нём, а о крае вечной ночи, крае холода и жестокости. Глубины находились прямо под Растлосом, никто не помнил почему человечество заселило этот край, но эта земля стала последней надеждой для многих людей. Именно там, где мрак поглощал свет, нашло свою жизнь нечто неправильное.Именно там, слышалось дикое сердцебиение, там род людской взглянув в своё отражение увидел ужасающую истину, проступающую на их теле красными пятнами. Оно рыщет во тьме, жаждет отмщения.

© Шао Лонг Я., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Часть 1. Две души. Глава 1. Тусклый Свет. 5
Конец ознакомительного фрагмента. 12

Янь Шао Лонг
Сердце Бездны

Часть 1. Две души. Глава 1. Тусклый Свет.

Бог един. Он един в своей силе, своей воле и своём существе, что парит над миром и решает волю людей, с надеждой смотрящих в ответ и взывая холодные небеса к неясной милости. Их руки складывались в клубки из мозолистых пальцев, спутывающиеся между собой, до проступающей у ногтей крови, а сердца замирая, в унисон, били свою странную, пошлую молитву что была не слышна ни для чьих ушей. И лишь он внимал им, лишь его глаза, окровавленным, жестоким, как и сами люди, взглядом, смотрел на их мольбы с отвращением к этим эгоистичным желаниям и одновременно с этим, он чувствовал трепет. Трепет подобно тому когда руки слабой матери впервые держат только что родившееся дитя. И чувство это пронизывало Бога, пронизывало людей, верующие в него всей своей душой и в те прегрешения что были совершены когда то их руками, дрожащими сейчас в священных замках связывающих два края мира острыми терновыми путами. И Бог един и едина его воля, таковы и люди, едины в своём неистовом грехе, что в их сердцах бьющихся в унисон, перерождался диким чёрным зверем. Этот зверь несущий за собой лишь опустошение, смерть, несущий пламя и волю человеческую, что слаба была лишь перед тем самым, что очами окровавленными смотрел с небес на них решая свою волю. Неоспоримую, вездесущую и страшащую смертных до сумасшествия. И бог был нерушим в своей власти над людскими сердцами, их пороками и страхами, ровно до тех пор пока не появился Змей.

Бог молчал, каким бы он ни был, с уст его не сорвалось ни одного слова, и когда люди подумали о прощении своём, явился зверь, то воплощения их непокорности их скольких сердец верующих в своё прощение. А за зверем пришла смерть, вездесущая, ужасная в лицах смертных существ для которых собственный разум стал неприступной клеткой. Замок от которой можно было открыть, разве что, пронзив себе грудь обоюдоострым клинком, наковальней для которого стал грех, а молотом вина. В тот день ясное небо затянули облака и прибрежные города смыло неизвестной людям силой, виднеющейся на горизонте сразу за горбатой волной, несколько раз прошедшей по суше. То была трагедия, до тех пор, невиданных масштабов, а после, огромная туша обвившаяся вокруг планеты плотным жгутом, пошатнула не только рассудок всего человечества но и их веру. Выжившие после катастрофы и нескончаемой войны с порождениями Змея увидели в нём символ, тот самый знак что ждал каждый грешник, веривший в силу своих слов, просьб о прощении, о милости перед своим Богом. И тогда, Бог в сердцах людей изменился, исказившись подобно не чёткому отражению в помятом, медном зеркале, породив в и так усомнившихся людях неправильное чувство обмана. Неужто Бог каким люди знали его, каким видели прощение и нерушимую волю к прощению даровал им это? Огромное, уснувшее вечным сном чудовище даже после своей смерти чуть не уничтожившее всех людей, что возможно, само являлось Богом, тем самым, смотрящих на своих детей глазами полных кровавых слёз, в чьём сердце билось сожаление за каждого человека. А может, нечто столь монструозное, сводящее с ума одним только своим существованием, съело этого Бога, заставив всесильное существо навсегда исчезнуть в забвении огромной, кривой пасти. Как бы то ни было, сейчас, люди как никогда далеки от того что называли Богом когда-то, ведь сердца их облила кровь и смола, сила Змея что и позволила человеку выжить в этом изменившемся мире.

Темнота никогда не покидала кусочек этого мира, можно сказать это неосязаемая сила всегда была и будет его неотделимой частью, формирующей природу и суть каждого уголка

которым ей только доводилось владеть. Она законный хозяин этих мест, жестокий и беспощадный пастырь не позволяющий просто так проникнуть в свои священные владения. Ужас она закладывала в каждое сердце, что принадлежало жителям этого неприветливого края, названные Глубинами. Глубины были ничтожны в ширину, и порой когда темнота теряла свою былую густоту можно было стоя на одном краю прекрасно видеть огни маленьких домиков некоторых из деревушек, расположившихся на другом.

Но глубина этого, до конца не покорённого, края была чудовищной, и порой могла завести мысли чрезвычайно близко к границам сумасшествия что медленно поступало, стоило только проследить за слабым светом окон, тонущих далеко внизу, в непроглядной тьме. Это была настоящая бездна, неясно чем порождённая, ставшая концом многих отчаянных и храбрых жизней, но не сумевшая отпугнуть людей своей не приветливостью. Никто не знал почему и как Глубины были созданы, но факт остаётся фактом, люди вступили в этот край с уже привычным и присущим им любопытством, что довело их до самого дна, оказавшегося ложным финалом. А по пути, чтобы не потеряться и не утратить рассудок, в преобладающем мраке Глубин, люди оставляли за собой поселения, маленькие оазисы света, где можно было не смотреть в глаза главным свои страхам, извращающим хрупкий человеческий рассудок до неузнаваемости. Эти блеклые точечки постепенно росли и на замену первооткрывателям и авантюристам пришли рудокопы, бывшие преступники и те, для кого край лишённый солнечного света был последним шансом в жизни.

Это была их последняя надежда, дом, буквально, на краю пропасти, скрипящий от каждого удара ветра и становившийся меньше с каждым следующим прожитым днём, ведь темнота не дремала, подбираясь всё ближе к жилищам людей. Мрак проникал в их сердца, в их головы, но душу трогать не смел ибо от неё исходили яркие, тёплые искры. Но всё же, кое-что другое тронуло эту хрупкую, держащуюся только на человеческой вере и упорстве надежду.

Несколько рядов покосившихся крыш сливались с окружающей темнотой, медленно и верно поедающая одно из крохотных поселений Глубин. Стоявшие вдоль одной единственной улицы, фонари ослабли настолько, что позволяли когда-то тусклым теням выползать из своих мелких переулков и превращаться в огромные тёмные пятна, пожирающие целые дома. Мрак хозяйничал на этих улицах не мало и местные жители, что серыми силуэтами проползали от одного строения к другому, мало обращая внимание на утопающее в тенях окружение, уже давно свыклись с постоянными кознями темноты. Раньше яркий свет одноногих восковых свеч и одноглазых фонарей помогал местным жителям, не только физически, освещая дорогу, но и морально. Ведь видя свет в окне соседа каждый из них знал, он не один, в этой кромешной, всепожирающий темноте только и жаждущей раздавить кого-то на своём пути, рядом с тобой был кто-то, кого ты знаешь, чей огонёк в окне видишь. Сейчас же, мрак практически полностью властвовал здесь и власть эта была не беспричинной.

Каждый житель этой деревушки, каждый ребёнок или старик, неважно, они все помнили тот хруст старого, прогнившего практически насквозь, дерева, тот треск стекла, несущегося в бездну и звучащего от этого подобно грому. И все помнили тот крик. Он пробивал стены, прорезался через уши каждого, кто хоть немного, краем уха зацепился за этот визг чистого, человеческого безумия, что толстыми личинками залезал прямо в мозг устроив там своё мерзкое лежбище. Когда всё утихло, из-за неплотного занавеса темноты показались многочисленные силуэты, мужчины и женщины сжав в своих руках хоть что-то что могло напоминать или являлось оружием аккуратно подходили к одинокому домику на окраине селения. Молитвы разных, существующих и ещё не придуманных человеком богов проносились у них в головах, даруя хрупкую решимость сделать ещё один шаг на встречу неизвестности, дрожью проходящей по их рукам и ногам.

Все знали чей это дом, его хозяин не был любим ни у старых, ни у молодых жителей прослыв обычным, старым отшельником и смутьяном к которому намного раньше смерти загля-

нуло безумие. И именно тело этого самого безумца нашли разорванным в собственном обветшалом домишке, кое-как переживший бедствия, ураганом прошедшие внутри хлипких стен. В глазах толпы виднелся сильный ужас, когда прыгающие по стенам и потолку, неконтролируемые, взгляды показывали каждому вошедшему картину неведомой расправы, надолго отложившейся в памяти каждого из свидетелей.

Дряхлый старик был разорван ровно пополам, а по небольшой прихожей, где помещалось от силы человек пять, было разбросано то что когда то было его внутренностями. Женские крики кривым огненным колесом проходили по узким коридорам, обжигая уши каждого застолбеневшего мужчины не способного оторваться от пары ног свисающих с потолка и опутанных необычной субстанцией похожей на красный виноград. Эти ветви расползались по всему треснувшему потолку, уходя куда-то в темноту, к холоду ветров, бьющих по пробитой крыше. Все присутствующие знали что это и в тот же момент, в поселение пришёл окончательный, глубокий мрак.

Зов о помощи, отчаянный крик проходивший по всем Глубинам наполнял каждый из этажей неприветливого края, в конце концов добираясь до самого Растлоса, где превращался в панику и истерию. Это была напасть до сих пор невиданная человеком, пережившим войну с легионами морских чудовищ и куда более страшную войну, с самими собой. Оно шло со дна Глубин, там где мрак становился настолько плотным что поглощал любой свет, и меж теней и зловония рождалось нечто новое. Многие были уверены, это наказание за любопытство снизошедшее к ним, как только первый поселенец вступил в ещё не обжитые Глубины, прикоснувшись к чему-то запретному для обычных людей. И заслуженное наказание пришло к ним, внезапной, яркой вспышкой ложного пламени, что на самом деле, являлось не более чем их вспыхнувшей, теперь обесцененной, надеждой. Вот теперь, нечто лишающее надежды, добралось и до этого маленького кусочка света на тёмном полотне и один за другим огоньки в окнах соседей начали пропадать ознаменовав по настоящему тёмную эру для маленькой деревушки на краю мира.

Эта напасть была ничем иным как болезнью, страшной хворью пришедшей будто из другого мира, и беспощадно сбрасывающая головы со всякого до кого можно было дотянуться. Её кривые, тёмные лапы, разрастаясь в размерах, давили поселения за поселением, не зная милосердия, не зная усталости, они складывали горы из трупов, чей разум был мёртв но чьи тела не теряли температуры. И именно там, на извращённом закате смертных жизней появлялась совсем другая, кривая и изменённая, запретная, алая плоть. Тела же ещё живых покрывались тёплой ржавчиной, медленно поедающую их мышцы, кости и кровь, заменяя чем-то неправильным и пугающим. Имя этой болезни Алая Чума и ни одно лекарство не было способно побороть эту хворь, и тогда, где-то между отчаянием и злостью людям пришёл единственный ответ, который они посчитали истинно правильным.

Одноногие, горбатые фонари тускло поблёскивали остатками своей былой яркости на центральной и практически единственной улице маленького, будто спящего, в столь страшный час, селения. Эти блики, что только отдалённо могли напоминать свет, которыми и должны были являться, оседали на небольшой, каменной, как и почти всё в округе, дороге. Кусочки света, подобно маленьким сверчками, чья, и без того, короткая жизнь обрывалась так и не начавшись, касались косых, чуть ли не разваливающихся на ровном месте деревянных стен. Сквозь них просачивался любой скрип старых половиц или хрипота голоса, еле заметным шёпотом проходящая вдоль пустивших многочисленные трещины фундаментов. Лишь некоторым из них везло и редкое, затерявшееся во тьме стекло, небольших окон, отбивало свет куда-то выше, где над такими же косыми, как и стены, крышами клубилась извечная тьма, с интересом смотрящая на такую редкую в этом умирающем крае толпу. Кучные шаги хлопали то там то здесь, разнося разрастающееся эхо по извивающимся, коротким веточкам местных переулков, вплотную врастающие в склонившуюся над селением скалу. Тем временем,

таинственные шаги, чьих хозяев скрывал непроглядный мрак, слышались по всему селению, жители которого замерли в страхе, осознавая кто зашёл к ним, на их молчаливый праздник приближающейся смерти.

Человечество было вовсе не глупо, одного любопытства и находчивости было достаточно чтобы понять как превратить кровь порождений Змея в оружие, что унесло миллионы жизней по всем осколкам мира. Только благодаря своей изобретательности человечество выжило, так что людям хватило ума придумать лекарство от наступающей Чумы, и пожалуй, эта была панацея от всего.

И тут шаги стихли подобно голосам перед вот-вот начавшимся представлением. С двух разных концов деревни к мерцанию погибающих фонарей, что кое-как показывали облачённых в чёрное гостей, добавилось ещё две пары огоньков, что были далеки друг от друга, и своей слабостью, пожалуй, могли вызвать лишь сострадание, но никак не слабеющую надежду. Но было ещё кое-что, что вызывали эти слабенькие, развевающиеся на холодном ветру, капельки огня. И это был страх, тот самый страх, что когда-то застыл в сердцах людей зловещей гравировкой, со временем затвердевшая ноющим рубцом, меткой, сейчас растворившейся внутри изменяющихся тел подобно яду. Токсин расходился по телу действуя по разному на каждого из нынешних живущих, но одно было ясно и ощущалось это лучше всего, внутри каждого кто видел эти силуэты и эти небольшие огоньки, раскрылась бездна намного огромнее той пропасти над которой жил каждый из них. И это было отчаяние.

Ревущее, извивающиеся длинной струёй пламя, по змеиному, рвануло к ближайшему дому, делая всю работу за сломанные фонари, отбросившие резкие тени на будущий могильник. Яркий свет окропил улицу с двух разных сторон, когда маленькие огоньки наполнившись мощью странной смеси осели на кривоватой черепице и трещавшему дереву ревущим, голодным пламенем. И тогда, в этом искусственно вызванном свете, взглядам обречённых явились они, лик каждого из которых был закрыт маской с огромным, чёрным клювом, а тела укрыты в прорезиненные, сливающиеся с темнотой костюмы. Чумные Доктора явились к тем кто жаждал спасения. И спасение пришло к ним с рёвом огнемётов, с пламенем что и являлось тем самым незаменимым лекарством от любой болезни, сейчас неумолимо поедающее их дома, а затем когда кривые огненные зубы разорвут крыши и стены, их заражённая плоть станет той трапезой, ради которой доктора и явились сюда. Крики повисли в домах невыносимо тянущимся воем, что несомненно сломило бы плечи каждого пришедшего, если бы их уши не были заняты звериным огласом пламени, поедающее очередное кривоватое строение, внутри которого, в своей отчаянной агонии, бились ещё живые люди.

Они стучали по стенам, били стёкла и выбивали двери стараясь выбраться, а ответом им служили короткие, яркие потоки, что липкой смесью накрывали их и так ослабевшие тела начиная свою мерзкую, чрезвычайно болезненную трапезу. Старики, дети, мужчины и женщины смотрели на это яркое, одновременно прекрасное и отвратительное пиршество, триумф свободного, неконтролируемого пламени, и отдавали свои тела на съедение, ведь прекрасно знали, что если не пламя, то Алая Чума поглотит их изнутри, станет, той омерзительной реальностью которой им так хотелось избежать. И потому, каждый из них отдавался столь ужасной смерти, пламя поглощало их целиком и полностью. Только бы не стать, частью той огромной кучи бессознательных тел, тающим куском плоти, ставшим удобрением для новой жизни.

Пламя окутало дом за домом, семью за семьёй, даруя каждому из них ужасную, идущую бок о бок с мучительными криками, смерть. И этот совместный крик, каждый мучительный стон не мог найти отклика внутри очерствевших душ докторов, смотрящих сквозь толстые линзы своих масок на горящие дома и бьющиеся в агонии тела. Они, пришедшие палачи, правая рука человечества, несли за собой тяжёлое бремя и миссию, чья ценность была намного выше любой из сложённых деревень или отнятых жизней. И потому руки их не дрогнули

когда крыша одного из домов, изрядно обгрызанная пламенем, рухнула внутрь пошатнувшегося строения, ставшего могилой для своих же хозяев.

Практически все смирились, зная какая участь ждёт их, притаившись за спрятавшимися у переулков тенями, отошедшими подальше от горящего селения и с жадностью смотрящими за складывающимися один за другим домами. Но всё же, отчаяние, рвущее душу, вьющее в груди каждого огромное гнездо из рёбер и лёгких, заставило одну из обречённых сделать шаг на путь сопротивлению приближающемуся неизбежному.

Их дом съедало разрастающееся с каждой минутой пламя, беспощадно разрывающее жалкие, тонкие стены не способные защитить и от не сильного ветра, только подгоняющий огненные потоки в этот момент. Пламя подобно взбесившемуся зверю, спрыгнув с частью разваливающейся крыши надавило на изрядно треснувшие окна, выдавливая хлипкую раму внутрь. Хрупкое стекло разлетелось на несколько сотен осколков, влетая внутрь стонущего невыносимым скрипом жилища неуправляемой картечью тут же пронзая спину своей единственной жертвы. Ни одного крика, ни слова или стона не сорвалось с её губ когда несколько крупных стеклянных жал вонзились прямо в вздрогнувшую спину, и лишь усилившаяся хватка не молодой женщины говорила о той ощутимой боли проносящиеся по всему телу.

— М-мам? — страх был сильнее беспокойства и тоненький голос, кое-как слышимый в этом хаосе, заметно сильно дрогнул притягивая на свою владелицу материнский взгляд.

Она не отвечала прекрасно чувствуя растянутые потоки боли, что кривыми многоножками проходили сквозь мышцы и кости, способные в любой момент пропитать ослабевший голос. Вместо слов за неё сказали оледеневшие пальцы вцепившиеся в дрожащих дочерей, в глазах которых неистово быстро рос страх и беспокойство, способные толкнуть их на шаг ближе к ужасной смерти. Кровь, тонкими, алыми змейками, проползла по ощущающей жар, приближающегося пламени, спине, оставляя на сереньком, повидавшем многое, платье, проступающие краснеющие, пятна.

На пол падали капельки крови, уже пускающие неуловимые для человеческого взгляда миазмы. В отражении этих маленьких следов можно было увидеть отпечатки эмоций, разрывающие хрупкое материнское сердце, из ран которого проступал тёмный, жидкий хрусталь. Перед ней стояли её дочери, два маленьких смысла этой, по своему, несчастной жизни, переваливающейся с одной хромой ноги на другую, в которой лишь эта парочка светлых макушек была единственной радостью. Это был тот самый свет, отличимый от жаркого пламени подкрадывающегося к ним, это было нечто что жило внутри каждого человека, и внутри одинокой женщины источником света была любовь к своим детям. Ей бы хотелось увидеть как эта пара сорванцов выросла бы, пусть и не в самых лучших условиях, но всё же, любовь окружала бы их и придавала бы сил сопротивляться окружающему их дом и семью мраку. Свет будучи надеждой и символом, съедал бы каждую подкравшуюся тень без остатка и когда мрака не останется и хрупкая надежда перевоплотилась бы в решимость, то бесконечной темноте пришёл бы конец. Как же ей хотелось показать им поверхность, увидеть как дети с самого рождения знавшие только искусственные свет, купались бы в тёплых лучах яркого солнца, с которым не сравниться ни один из самых мощных фонарей созданных человеком, смотрели бы в далёкий горизонт, пытаясь рассмотреть тонкую фиолетовую линию, где соприкасалось безоблачное небо и синий океан. В тот момент, как и сейчас, она бы поняла, что все распри в их небольшой семье не имели значения. Как же ей хотелось побыть с ними ещё немного.

Горькое чувство свернулось тройным, кривым, клубком внутри груди, закупоривающий лёгкие и мнущий сердце в несуразную кашицу, не способную совершить хоть один безболезненный удар, что оставляло на месте себя зияющую дыру, из которой сочилось нечто ужасное. Свет раньше отгоняющий мрак, приносящий и сохраняющий надежду ныне чернел изнутри, облачаясь двухголовой ядовитой змеёй, чьи очертания переливались холодным, чёрным силуэтом, всё увеличивающимся в размерах. Змеиный жгут обвился вокруг остатков сердца, когда

пара одинаковых челюстей вонзилась прямиком в содрогающийся от ударов орган. Из новообразованной раны хлынула заражённая кровь, густыми потоками исчезающая внутри вытянутых глоток, и капли которой случайно падая на тёмную чешую превращались в холодный пар, медленно растворяющийся в сгущающейся, вокруг, тьме. Её острые, стройные ряды шли вслед за чешуйчатым ублюдком, с острых зубов которого стекал яд, блеклыми, восковыми каплями, что медленно сливались, покрывая толстой коркой всю, гаснущую, душу.

И лишь в самом глубоком уголке души, в том закоулке куда даже не падал свет надежды, затаился последний огонёк. Крохотный и незаметный, он притаился где то в многослойной тьме как одинокая шлюпка посреди океана, ожидая когда вот-вот настанет его час и чёрное море вспыхнет ярким светом последнего маяка. И новое зарево набравшись сил поглотит всё вокруг, всё до чего только сможет дотянутся.

Последние силы наполнили дрожащие от неимоверной тяжести и боли ноги, позволив приподняться и в один из последних моментов отойти от крадущегося за спиной пламени, жаждущее вкусить запретной рыжей плоти, от чего огрмоная огненная пасть беспрерывно клацала выпуская волны жара. Истекающая кровью глава семейства шла на пределах своих оставшихся сил, пытаясь не выдать нарастающее изнеможение и показать путь к единственному спасению. Руки быстро потерявшие тепло не смели отпускать рассеянно идущую впереди двоицу ведя их сквозь короткие, охваченные огнём коридоры, что в плывущем сознании растягивались на далёкие, незримые километры, затянутые дымом и пламенем, сползающее вниз подобно беспощадному огненному оползню. Каждый последующий шаг был тяжелее предыдущего, каждый вздох огненной струёй проходил по горлу и оседал в лёгких небольшой, всё выжигающей бурей. От этого шторма вздымались волны пепла, уходящие к голове и оседающие с другой стороны глаз перевоплощаясь в слёзы сдерживаемой горечи. Но она не смела показывать слабости и продолжала вести свою последнюю надежду дальше по, наконец закончившемуся, коридору, что заметно расширившись превратился в очертания кухни, сейчас стонущей от царствующего в жилище пожара.

Когда силы были почти на исходе, а неконтролируемая дрожь заставила женщину осесть на колени, они наконец добрались, и огонёк надежды блеснул в тумане медленно слабеющего взгляда, кое-как различающего очертания небольшого деревянного люка. За ним лежал глубокий, каменный погреб, который мог выдержать натиск одичавшего пламени. Округлая, металлическая ручка вгрызлась в руку раскалёнными зубами, прогрызая кожу невыносимо болезненным ожогом, расползающийся по всей ширине ладони. Казалось, вся ощущаемая ею боль вылилась в глухой вздох, когда тяжёлый для измотанной женщины люк рухнул кверху брюхом, открывая спасительный проход.

— Быстрее. — несмотря на боль и слабость что осела на дрожащие плечи огромной, тяжёлой птицей, чей кривой клюв клацал прямо у бледного лица, она не позволила своему голосу ослабнуть и потому, уже через пару секунд, маленькие ножки зашагали вниз по трещащим ступенькам.

Скрип всё отдалялся, хоть как то принося успокоение разрывающемуся от волнения и страха сердцу, наконец начавшее своё медленное замедление звонко бьющее в, и так, заложенные уши. Потому оклик одной из девочек, обернувшейся в сторону матери, лишь затерялся где-то между ними, а после проскочив мимо ещё раз угодил прямо в окруживший обессиленную женщину огонь, медленно открывающий свою огромную крокодилью пасть. Именно тогда, когда первые, ещё слабые языки, подгоняемые вечным голодом, начали осторожно подступать по кровавым следам, в этом помутнённом взгляде, который жизнь, несомненно, покидала, что-то переменилось. Будто бы тот самый, слабый и гаснущий огонёк, обретая силу, вспыхнул яркой волной, что охватил огромную, монолитную тьму, превращаясь в немыслимое зарево, давшее сил на последний рывок. Люк слегка свистнул в воздухе прежде чем громко хлопнуть прямо перед носом у одной из девчонок, наконец, догадавшейся о замысле матери. Судорож-

ные удары о старенькое, но крепкое дерево послышались с той стороны, когда вымотанное тело наконец подвело и приятная, в столь раскалённых обстоятельствах, прохлада, стареньких половиц, прошлась по обмякшим мышцам. Последний сон медленно приближался, сопровождаясь быстрыми, всё неутихающими ударами, от которых по всему дрожащему телу проходила странная, кое-как ощутимая, вибрация. И сон тот наступил когда осевшая крыша, с грохотом, рухнула внутрь дома поддаваясь разросшемуся пожарищу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.